

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Вербинина, Валерия.

В31 Девушка с синими гортензиями : роман / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-111753-5

Она была актрисой, любимицей публики, столь же талантливой, сколь и красивой. Ее лицо не покидало обложек журналов, о ее украшениях слагали легенды, ее считали самой счастливой женщиной – но Женева Лантельм таинственным образом погибла во время круиза на яхте. Ее муж утверждал, что произошел несчастный случай, хотя ходили упорные слухи о самоубийстве или даже убийстве... Десять лет спустя по просьбе частного лица Амалия Корф, бывший секретный агент российского императора, взялась расследовать это странное дело. Казалось бы, все давно в прошлом, как вдруг кто-то начал избавляться от оставшихся свидетелей той драмы. И тогда Амалия поняла: преступник куда ближе, чем она думала...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111753-5

Роман основан на реальном событии, которое в свое время наделало много шума. Следы этой драматической истории можно отыскать в газетах тех лет и мемуарах. Тем не менее автор должен предупредить, что книга ни в коей мере не является документальным исследованием. Это — роман, в котором имена действующих лиц изменены или вымышлены. Исключение было сделано только для главной героини драмы, чтобы читатели при желании могли найти в источниках подробности о том, как все было на самом деле.

ПРОЛОГ

Вода была черна и неподвижна, как ночь, нависшая над ней. Сверху — тьма без звезд, тьма без начала и конца. Снизу — река, вытекающая из мрака и уходящая во мрак. Другого ее берега не видно, как будто тот заблудился во мгле где-то между небом и водой.

Впрочем, не только берег заблудился во мраке. Точно такое же чувство было и у человека, стоящего на этом берегу. Слева от себя он видел старое, засохшее дерево, которое, топорщась во мгле, словно заколдованный дракон, угрожающе тянуло

к нему свои скрюченные ветви. С правой стороны простиралось нечто зыбкое и шелестящее, и он вспомнил, что это — камыши в речной заводи.

Человек знал, что еще может уйти, однако неодолимая сила толкала его вперед, и он двинулся к воде. Его ноги не увязали в песке, когда он шел по берегу.

Ему казалось, что до его слуха доносятся невнятный шепот и вздохи, но, возможно, то было шелестом все тех же камышей. В следующее мгновение человек был уже у воды и склонился над ней, но не увидел своего отражения.

Он не оглядывался. Зачем? Дерево и камыши, оставшиеся позади, бесследно исчезли. Теперь оставались только он — и неподвижная река под беззвездным небом.

А потом человек увидел, как черная вода стала светлеть, светлеть по всей глубине, светлеть до самого дна. Там, далеко внизу, колыхались сказочные миражи. Он увидел подводные замки невероятных очертаний, белогривых лошадей с плавниками вместо ног, зеленоволосых гибких русалок, которые скользили меж причудливых растений с огромными пурпурными, алыми, золотыми цветами. И даже услышал, как беспечно и звонко они смеются там, внизу, бесконечно далеко от него.

Внезапно все исчезло, миражи потухли, и человек понял, что принял за замки, лошадей и русалок причудливую игру света и теней на дне, где на самом деле не было ничего, кроме перепутанных стеблей подводных растений. Они извивались в зеленой воде, как змеи, сытые и медлительные, но все еще опасные. Возле одного из них колыхалось что-то белое, похожее на обрывок шелка или, может быть, на тончайшую вуаль.

Миг — и белое пятно стало расти, надвигаясь.

Оно поднималось все выше и выше, обретая очертания. Теперь уже можно было рассмотреть, что это не просто кусок ткани, а белое платье женщины плещется в воде. Ее лицо было смертельно бледным, глаза закрыты, распущенные волосы плыли вокруг головы темным облаком. И все же она была прекрасна, и при виде ее у человека сжалось сердце.

Она поднялась уже к самой поверхности, оказалась так близко от него, что можно было видеть родинку на ее правой щеке, очертания своевольных губ, длинные черные ресницы. Человек хотел позвать ее, но не мог вымолвить ни слова.

А потом женщина открыла глаза, и услышался ее голос:

— Спаси меня...

Он хотел броситься к ней, но был не в состоянии двинуться с места. Напрягал все силы — и даже не пошевелился.

— Спаси меня, — тихо и безнадежно повторила женщина.

— Жинетта!

Слово раскололо тьму, убило наваждение, и к человеку вернулась способность двигаться. Но слишком поздно. Он видел, как глаза женщины угасли и закрылись, голова бессильно запрокинулась. Зеленые стебли-змеи обвилились вокруг нее и потянули за собой на дно.

— Жинетта!

Он бросился вниз, и черные воды сомкнулись над его головой. Человек все еще надеялся, что сумеет догнать ее, но сила, противодействовавшая ему, значительно превосходила его собственную. Он рвался, плыл, задыхаясь, ко дну, но женщина коснулась его прежде и рассыпалась на множество белых лоскутов.

— Жинетта, нет!

...Он открыл глаза и долго лежал под взмокшей от пота простыней, не слыша ничего, кроме шума крови в ушах и частого стука своего сердца. Наконец смог дышать чуть спокойнее и повернулся на бок.

По природе он вовсе не был суеверен, но этот сон снился ему уже не первый раз и всякий раз предвещал: что-то случилось. Нечто, связанное с *ней*, о чем она хочет его предупредить.

«Но что еще может быть? Последние украшения продали с аукциона в прошлом году... — Он скривился, как от физической боли. — Нет, это не из-за них, будь они трижды неладны».

Он перебрал еще несколько возможных причин того, что *она* опять явилась ему во сне, и все их отверг. А тревога его нарастала. Но тут ему в голову пришла новая мысль: «Или кто-нибудь догадался, что я убил...»

Станным образом это его успокоило. Он прикрыл глаза, представил себе суд, напыщенную речь обвинителя, лысину кюре, суесящегося палача и неподвижную черную гильотину в тюремном дворе. Да, гильотину. Потому что он убил хладнокровно, с заранее обдуманном намерением. И не одного человека, а целых пять. Впрочем, если говорить начистоту, он не считал их за людей. А вот с точки зрения закона...

С точки зрения закона, если когда-нибудь откроется то, что он сотворил, ему не миновать смертной казни. Но он подумал об этом совершенно спокойно, как подумал бы о том, что завтра опять будет солнечная погода.

«Конечно, прошло уже немало времени, но сколько было случаев, когда преступление раскрывали через много лет после того, как оно было совершено...»

И он задумался о том, как именно раскроют его преступления.

«Появляется неожиданный свидетель? Высочка-полицейский перебирал старые дела и нашел зацепку, которую упустили из виду его олухи-коллеги? Или обнаружили отпечатки пальцев, о которых уже несколько лет везде говорят и пишут и которые я никогда не принимал всерьез?»

Он попытался вспомнить, оставил ли он отпечатки пальцев на месте преступления, и был вынужден признать, что, конечно, оставил. И не только на месте преступления, но и на орудиях убийства. Сколько угодно, господа присяжные заседатели!

«Адвокат, конечно, будет изо всех сил изворачиваться. Первое-то убийство, я думаю, теперь уже никто не докажет. Но вот остальные...»

Он открыл глаза и зевнул. Ему неожиданно стало скучно. Чего они от него хотят, в самом деле? Вот же он, ни от кого не таится, с виду человек как человек, и ни один из его друзей — да что там друзей, обычных знакомых — даже в шутку никогда не предположит, что он убил пятерых. Никого он не боится, и пусть только попробуют его обвинить!

Он повернул голову и посмотрел на светлое пятно на стене напротив кровати. Днем это был рисунок, сейчас неразличимый набросок, изображающий молодую женщину в огромной шляпе, с улыбкой на губах. Ему нравилось видеть первой эту улыбку, когда он вставал с постели. Сейчас было еще темно, но он не стал зажигать свет.

— Спасибо, что пришла, — негромко проговорил он, обращаясь к рисунку. — Я буду осторожен, обещаю тебе.

Потом он вздохнул, закрыл глаза и вскоре заснул — крепким сном без всяких сновидений.

ЧАСТЬ I

СВИДЕТЕЛИ

ГЛАВА 1

Август 1921-го

Блэз Гренье вставал рано. В молодости он был рыбаком и привык подниматься ни свет ни заря! И позже, когда женился на невесте с приданым, перебрался в Париж и купил небольшое кафе, он все равно не научился спать вдоволь и сколько хочется. Сон по-прежнему казался ему роскошью, ведь у него столько дел — проверить счета, отправить новые заказы, проследить за официантами, сделать замечание служанке, которая в их семье уже сорок лет, но все равно то и дело вешает его костюм не туда, где он должен быть, а в другой шкаф. Мсье Гренье был большим аккуратистом и свято верил в то, что у каждой вещи должно быть свое место. Беспорядок выводил его из себя, и тогда он начинал брюзжать, причем мог брюзжать часами, припоминая прошлые промахи окружающих и случаи, которые имели место уже совсем давно, задолго до войны. Впрочем, войну мсье Гренье не любил особо, потому что она была в его глазах наивысшим проявлением беспорядка. Его, помнится, ужасно раздражали дороговизна, пре-

увеличенно бодрые вести с фронтов, вой сирен воздушной тревоги и налеты немцев на Париж. Кроме того, на войне он потерял одного из сыновей.

Кряхтя, мсье Гренье спустился вниз, в кафе, придиричивым оком окинул столики и стулья, протер стойку. По тротуару напротив крался пестрый кот, потом пробежала парижанка, бойко стуча каблучками. Мсье Гренье проводил ее печальным взглядом. Стыд и позор, эта современная мода — юбка чуть ли не до колена, не то что до войны, когда носили платья в пол, а то и со шлейфами. Ах, какие тогда были женщины и как они умели одеваться! Он горестно покачал головой, на всякий случай еще раз протер стойку, переставил бутылку вина, которая стояла не на своем месте, посмотрел на часы и углубился в подсчеты.

Когда пришли официанты, мсье Гренье открыл кафе и уступил место за стойкой старшему сыну, а сам перебрался в угол, откуда ему было отлично видно все происходящее в зале. Понемногу в кафе потянулись обычные посетители, многих из которых хозяин знал лично. Компания штукатуров, студент Сорбонны, Боск, бывший сторож Лувра, которого уволили вскоре после кражи «Джоконды» в 1911-м. И что вообще хорошего в этой «Джоконде»? Гренье видел репродукцию в журнале — немолодая, глаза прищурены, и выражение лица неприятное, насмешливое. Так и есть — *la vieille coquine*, старая насмешница. Нашли, из-за чего гнать людей с работы, тем более что картина-то нашлась, правда, не сразу. Однако Боска обратно на место уже не взяли.

Хлопнула дверь, в кафе вошли трое. Гренье обернулся к сыну, незаметно подал ему знак, послав выразительный взгляд в сторону новых посе-

тителей. Это были русские — из тех русских, которые после какой-то своей революции вынуждены были уехать из России и теперь наводнили Париж. Все их имущество, как правило, осталось на родине, куда им больше не было дороги, и они, совершенно ныне без средств, хватались за любую работу. Гренье сочувствовал им, но еще больше сочувствовал своим соотечественникам, которые купились на заманчивые обещания предыдущего российского правительства и приобрели русские процентные бумаги. Теперь эти бумаги равным счетом ничего не стоили, потому что новое правительство большевиков первым делом гордо отказалось от всех обязательств империи. Самый настоящий беспорядок, по мнению мсье Гренье. Кроме того, русские периодически норовили улизнуть из кафе, не заплатив, и это тоже был беспорядок. Вот почему Гренье и подал знак сыну — чтобы тот держался начеку.

— Три кофе, пожалуйста, — заказал посетитель.

— Простите, у нас принято платить вперед, — спокойно и твердо промолвил младший Гренье.

Русский посмотрел на него мрачно, но кофе оплатил. Сдачу он не взял, с вызовом в голосе попросив оставить ее себе. Однако младший Гренье родился хватом, сарказм на него не действовал, и он преспокойно сгреб мелочь в кассу.

— До чего же французы сволочи! — со злостью промолвил русский, поворачиваясь к своим спутникам. — За людей нас не считают!

— Да ладно тебе, Никол, — примирительно отозвался его спутник. — Сволочи — это союзнички большевиков латыши, которые расстреливали людей прямо на улице, на глазах у прохожих. Жена моя все это видела и с тех пор сама не своя.

А французам я все прощаю за хороший кофе. И за круассаны.

— Фуа-гра у них тоже ничего, — вздохнул третий, по виду смахивающий на бывшего помещика, и даже зажмурился мечтательно.

— Э, батенька, куда нам теперь фуа-гра! Нам бы теперь не кревэ¹ от фэм², и то хорошо.

Трое изгнанников сели за столик и завели извечную беседу изгнанников тех лет — о пропавших без вести, которые изредка все-таки возвращались к близким, о знакомых, которые сумели вырваться из большевистской России, и о тех, кто там сгинул. Вспоминали, само собою, старые времена, государя императора и между делом жестоко и со знанием предмета раскритиковали поэта Тютчева за строки «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Впрочем, Тютчева вскоре оправдали, как крупного поэта, которому позволительно порою заблуждаться. И как раз когда плативший за кофе продекламировал вслух: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет — и не может», в кафе появилось новое лицо.

Это был господин лет тридцати пяти или около того, ничем собою не приметный, если не считать того, что в его темных волосах, несмотря на молодость, виднелись седые нити. Глаза у него были серые, пронизательные и, пожалуй, даже чуточку неприятные. Мужчина окинул посетителей равнодушным взором и подошел к стойке. Для полноты картины следует добавить, что господин явился не один, а в сопровождении немолодой дамы с безупречной осанкой, которая умело держалась в его

¹ Помереть (*франц.* crever).

² Голода (*франц.* faim).

тени. На даме был обманчиво простенький светлый костюм, на руках и шее не имелось никаких украшений, и она спокойно взирала на мир сквозь очки, придававшие ей вид то ли гувернантки на покое, то ли преданной секретарши.

— Добрый день, — отрывисто бросил незнакомец. — Это кафе принадлежит семье Гренье, верно?

Прежде чем ответить, Антуан Гренье покосился в сторону отца и кашлянул, чтобы привлечь его внимание. В конце концов, неизвестно, что скрывается за такими вопросами.

— Ну, да, — буркнул Антуан нехотя. — А что?

— Меня зовут Пьер Видадь, я сотрудник «Пари-суар», — представился незнакомец. — Вы член семьи?

Теряясь в догадках, что могло понадобиться от их скромного заведения представителю столь популярного издания, Антуан тем не менее ответил утвердительно.

— Вам знаком моряк по имени Филипп Гренье? — задал следующий вопрос журналист.

— Это мой брат, — ответил Антуан хмуро.

— Зачем вам понадобился Филипп? — спросил из своего угла хозяин кафе и встал.

Видадь обернулся на голос и увидел приближающегося невысокого сухощавого старика с седыми кустистыми бровями, который смотрел на него не сказать чтобы с большой приязнью.

— Прошу прощения, мсье, — начал журналист. — Я Пьер Видадь...

— Я слышал, как вас зовут, и читаю вашу газету, — оборвал его старик. — Так зачем вам нужен мой сын?

— Хотел бы расспросить его кое о чем, — ответил Видадь.

— Да? О чем же?

— Ваш сын в числе прочих находился на яхте «Любимая» в ночь с 24 на 25 июля 1911 года, когда там произошло памятное многим событие, — бойко отрапортовал журналист. — Мне хотелось бы узнать, что он помнит о той ночи.

Блэз Гренье насупился еще сильнее.

— Вы имеете в виду странную смерть той актрисы? — проворчал он. — Женеви́евы Лантельм?

— Да. Наша газета готовит серию очерков о таинственных происшествиях прошлого, в том числе и о ее гибели. Согласитесь, это была поразительная история — неожиданная для всех смерть молодой прекрасной женщины, после чего на ее мужа, богача, магната, но темную личность, падает больше всего подозрений. Однако я решил поговорить со свидетелями, прежде чем выдвигать версии. Скажите, мсье, где я могу найти вашего сына?

У Блэза Гренье вертелся на языке резкий ответ: «На кладбище», но теперь, в ярком солнечном свете, он увидел, что лицо у журналиста изможденное, а под глазами пролегли коричневые тени. Кроме того, он вспомнил, что Пьер Видадь одно время был военным корреспондентом и находился на передовой в отличие от многих его коллег, которые пылко призывали соотечественников жертвовать собой во имя родины, а сами отсиживались в своих редакциях.

— Мой сын умер, — сказал старик наконец. Его нижняя губа задрожала. — Он погиб в море, их корабль потопила немецкая подлодка.

— О! — вырвалось у Видаля. — Простите, мсье. Я не знал.

Журналист произнес еще много слов, извиня-